

ԵՐԵՎԱՆԻ Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ
ԼԵԶՎԱԿԱՍԱՐԱԿԱԳԻՏԱԿԱՆ ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆ
ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ЯЗЫКОВ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
ИМЕНИ В. БРЮСОВА
YEREVAN BRUSOV STATE UNIVERSITY OF
LANGUAGES AND SOCIAL SCIENCES

ԲԱՆԲԵՐ

ԵՐԵՎԱՆԻ Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԼԵԶՎԱԿԱՍԱՐԱԿԱԳԻՏԱԿԱՆ
ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ
ВЕСТНИК ЕРЕВАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ЯЗЫКОВ И
СОЦИАЛЬНЫХ НАУК ИМЕНИ
В. БРЮСОВА
BULLETIN OF YEREVAN BRUSOV STATE UNIVERSITY OF LANGUAGES AND
SOCIAL SCIENCES

ԼԵԶՎԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆ ԵՎ ԲԱՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

ЛИНГВИСТИКА И ФИЛОЛОГИЯ

LINGUISTICS AND PHILOLOGY

1(40)

ԵՐԵՎԱՆԻ Վ. ԲՐՅՈՒՍՈՎԻ ԱՆՎԱՆ ՊԵՏԱԿԱՆ ԼԵԶՎԱԿԱՍԱՐԱԿԱԳԻՏԱԿԱՆ
ՀԱՄԱԼՍԱՐԱՆԻ «ԼԻՆԳՎԱ» ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ - 2017

Բանբերը հրատարակվում է տարեկան երկու անգամ ԵՊԼՀ գիտական խորհրդի որոշմամբ:

Вестник издается два раза в год по решению ученого совета ЕГУЯС.

Bulletin is published twice a year by the decision of YSULS Scientific Council.

Խմբագրական խորհուրդ՝

<i>Գայանե Գասպարյան</i>	բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Լիլիթ Արզումանյան</i>	բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Կարլեն Միրումյան</i>	փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Աիդա Թոփուզյան</i>	մանկավարժական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Աշոտ Մարկոսյան</i>	տնտեսագիտության դոկտոր, պրոֆեսոր

Խմբագրական կազմ՝

<i>Լուսինե Ֆլջյան</i>	բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Կարինե Աբրահամյան</i>	բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Գայանե Գևորգյան</i>	բանասիրական գիտությունների դոկտոր, պրոֆեսոր
<i>Նադալյա Խաչատրյան</i>	բանասիրական գիտությունների թեկնածու, պրոֆեսոր
<i>Գայանե Եղիազարյան</i>	բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
<i>Նարինե Հովհաննիսյան</i>	բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
<i>Քրիստինե Սողկյան</i>	բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
<i>Նաիրա Մանուկյան</i>	բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
<i>Էլիզա Ղազարյան</i>	բանասիրական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ
<i>Էրիկա Ավակովա</i>	մանկավարժական գիտությունների թեկնածու, դոցենտ

Տեխնիկական խմբագիր՝ Հասմիկ Փիլավջյան

Редакционный совет:

Гаяне Гаспарян, доктор филологических наук, профессор
Лилит Арзуманян, доктор филологических наук, профессор
Карлен Мирумян, доктор философских наук, профессор
Аида Топузьян, доктор педагогических наук, профессор
Ашот Маркосян, доктор экономических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Лусине Флджян, доктор филологических наук, профессор
Карине Абрамян, доктор филологических наук, профессор
Гаяне Геворгян, доктор филологических наук, профессор
Наталья Хачатрян, кандидат филологических наук, профессор
Гаяне Егиазарян, кандидат филологических наук, доцент
Нарине Оганнисян, кандидат филологических наук, доцент
Кристине Согикян, кандидат филологических наук, доцент
Наира Манукян, кандидат филологических наук, доцент
Элиза Казарян, кандидат филологических наук, доцент
Эрика Авакова, кандидат педагогических наук, доцент

Технический редактор: *Асмик Пилавджян*

Editorial Council:

Gayane Gasparyan, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Lilit Arzumanyan, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Karlen Mirumyan, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
Aida Topuzyan, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor
Ashot Markosyan, Doctor of Sciences (Economics), Professor

Editorial Board:

Lusine Fljyan, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Karine Abrahamyan, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Gayane Gevorgyan, Doctor of Sciences (Philology), Professor
Natalya Khachatryan, Candidate of Sciences (Philology), Professor
Gayane Yeghiazaryan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Narine Hovhannisyan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Kristine Soghikyan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Naira Manukyan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Eliza Ghazaryan, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor
Erika Avakova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Associate Professor

Technical Editor: *Hasmik Pilavjyan*

Բանբեր Երևանի Վ. Բրյուսովի անվան պետական լեզվաառարակագիտական համալսարանի: Լեզվաբանություն և բանասիրություն 1(40):- Երևան, Լինգվա, 2017, 737 էջ:
Вестник Ереванского государственного университета языков и социальных наук имени В. Брюсова. Лингвистика и филология 1(40). – Ереван, Лингва, 2017, 737с.

Bulletin of Yerevan Brusov State University of Languages and Social Sciences, Linguistics and Philology 1(40). – Yerevan, Lingva, 2017, 737 pages

ISSN 1829-3107

© Լինգվա, 2017

ЯЗЫКОВОЙ ВЫБОР И ЯЗЫКОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОСТСОВЕТСКОЙ АРМЕНИИ

АЙКАНУШ БАРСЕГЯН
ШТЕФАН РАБАНОС

Ключевые слова: государственный язык, русскоязычные, билингвизм, однопзычия, языковой выбор, идентичность

1. Исторический очерк

Армянский язык – это язык древней цивилизации с уникальной традицией и культурой письменности. Язык, письменность и литература всегда играли решающую роль в этнокультурной самидентификации армянского общества и, в частности, в восприятии самого себя как «умного народа». Создание письменности армянского языка официально датируется началом V века нашей эры. Официально принято считать, что армянский алфавит создан Месропом Маштоцем на основе греческого алфавита или, по крайней мере, в его последовательности. М. Маштоц создал алфавит, оригинальность и совершенство которого выражается в точном отражении фонологических оппозиций на более высоком уровне, чем в Латинице или Кириллице для современных европейских языков. Язык и письменность внесли особый вклад в самосохранение армянского народа в течение многовековой истории страны, которая была полна болью, трагедиями, уничтожениями, геноцидом, из-за которых огромная часть армян ныне живет за пределами своей родины.

Армянский язык фактически всегда был главным языком повседневной жизни и местного самоуправления армянских поселений на Ближнем Востоке. Тем не менее, долгое отсутствие государственности привело к тому, что он никогда не достигал статуса полного «Ausbausprache», то есть «автономного / самостоятельного языка» в понимании Хайнца Клосса, [Haarmann 2005 а.]. Так как территория современной Республики Армения (где говорят на восточно-армянском языке) находилась под властью Российской Империи на основе Гюлистанского (1813г.) и Туркменчайского (1828г.) договоров, далее в составе Советского Союза до его распада в 1991г., русский язык вошел во владение в многочисленных высших функциональных сферах. Это

включало общение не только на научно-академическом, но и на административном уровнях (особенно в контактах с правительственными органами в Санкт-Петербурге и Москве, а также с соседними кавказскими губерниями или советскими республиками, так как русский язык являлся так называемым «lingua franca» в межнациональной коммуникации Советского Союза).

Большинство научных сфер, высших уровней университетского образования (как н/р, степени кандидата и доктора наук) не были доступны в Армении, и научной элите нередко приходилось получать высшее образование в России, преимущественно в Москве. Возвращаясь в Армению, эта же элита во всех сферах деятельности в основном использовала русский язык. Следует признать, что национальная политика, выдвинутая В. Лениным в 1920-х гг., принесла некоторую пользу нерусским национальным языкам в Советском Союзе. От этого выиграли особенно те языки (в том числе – армянский и грузинский) на которых говорили на территориях со сравнительно малой численностью коренного русскоязычного населения и конечно, языки народов с сильной национальной элитой [Pavlenko 2008: 6]. Тем не менее, армянский язык никогда не считался официальным языком Армянской Советской Социалистической Республики [Хачатрян 1991: 113], и как указывает Харман: «Ни один из национальных языков в общественной жизни не мог соперничать с русским должным образом. А с укреплением сталинского централизма исключительный статус русского языка, как государственного, был признан если не официально, то хотя бы de facto» [Naarmann 2005 б: 826; наш перевод]. Как отмечает лингвист Вайтенберг, «ambitious parents preferred to send their children to the Russian schools» («требовательные родители предпочитали отдавать своих детей не в армянские, а в русские школы») [Weitenberg 2006: 1900], а свободное владение русским языком часто служило даже залогом профессионального успеха в Советской Армении [Григорян, Даниелян 2010: 275, 278].

В 1991г. провозглашение независимости привело к утверждению статуса армянского как единственного, официально одобренного языка во всех сферах (Статья № 1 Закона о языке с 17 апреля 1993 [Григорян, Даниелян 2010: 283; также § 3] и статья № 12 Конституции Республики Армения 1995 и 2003 гг. гласят: «Հայերենը Հանրապետության պետական լեզուն հայերենն է» («Армянский язык – государственный язык

Республики Армения» [Конституция 2003]). Целью первоначально весьма жесткой языковой политики, которую Армения разделяла с другими постсоветскими странами, являлась достижение полного автономного статуса национального языка. Хотя Харман [Haarmann 2005 а: 247], указывает на значительный успех таких языков, как эстонский, латышский, грузинский и армянский, в их намерении достигнуть такого статуса, власти Армении несколько лет спустя изменили свою языковую политику и заменили начальный принцип одноязычия более дифференцированным подходом,¹ вследствие чего, русский язык сохранил некоторые из бывших приоритетов по следующим причинам:

а) Армянская элита с русским образованием и предпочтением русского языка, не только не исчезла из Армении, но и продолжает занимать важное положение в обществе.

б) Научно-техническая литература и терминология на армянском языке не может быть создана за столь короткий период времени, так как это – процесс, занимающий, по крайней мере, десятилетия, которому препятствуют не только наличие и доступность научно-технической литературы и терминологии на русском языке (огромное количество русскоязычных книг и журналов в армянских библиотеках), но и распространение английского языка в роли глобального «lingua franca» [Haarmann 2005 а: 247 и Schulze 2002: 898]. В наше время, когда даже такой широко распространенный язык, каким является немецкий, испытывает давление со стороны английского даже в пределах Германии (особенно в академических кругах и во всемирно действующих предприятиях), ex-novo создание коммуникативной практики в этих же сферах для такого малораспространенного языка как армянский, как минимум – амбициозный проект. Отлично сознавая это, власти Армении, по практическим причинам, снова уделяют некоторое место русскому языку в тех сферах, которые были официально закрыты для него сразу же после принятия независимости [Pavlenko 2008: 19, 28].

в) В отличие от других бывших советских республик (как н/р, Грузии или стран Прибалтики) в Армении нет и никогда не было существенной враждебности к России [Григорян, Даниелян 2010: 289].

¹ *Защита языков меньшинств в Армении считается образцовым для бывшего Советского Союза [Pavlenko, 2008: 30].*

Наоборот, эти две страны стоят в тесных дружеских контактах, более того, 73% опрошенных нами людей соглашались с заявлением «Россия – старший брат Армении» (см. § 5). Россия приняла активное участие в нагорно-карабахской войне, а мотострелковая дивизия и военно-воздушные силы России и по сей день обеспечивают в Армении пограничный контроль на границах с Турцией и Ираном (см. также § 5 и Рис. 4). О тесной связи между Россией и Арменией говорит также количество беспосадочных перелетов из международного аэропорта Еревана, «Звартноц». Только за 1 июля 2013г. было совершено 24 вылета, 10 из которых в Москву, а 6 – в другие города Российской Федерации (еще по одному вылету в русскоязычные столицы СНГ – Минск [Giger, Sloboda 2008: 44,45] и Киев [Bilaniuk, Melnyk 2008: 85,86]).

Вышеупомянутое показывает, почему сегодня в армянских школах принято изучать 3 языка: армянский – как основной, русский – как второй обязательный² и один иностранный язык (в основном – английский, альтернативно также немецкий и французский) [Pavlenko 2008: 18].

2. Вопросы исследования

Русский язык все еще пользуется большой популярностью в Армении, причем огромное количество армян проявляет билингвизм, владея восточно-армянским и русским одновременно.³ Исключение

² Согласно Мартиросяну [см. Мартиросян, 2003: 61, указанный с Григоряном и Даниеляном, Состояние общественных функций русского языка в современной Республике Армения. Чельшев, 2010: 290], в армянской образовательной системе русский язык занимает «своеобразное положение между родным, т.е. армянским, и иностранными языками».

³ Следует отметить, что билингвизм только в редких случаях означает полное владение обеими языками на одинаковом уровне. Существует разнообразие типов билингвизма, ср. по этому вопросу: Maskey, 2005: 1486–1487 и далее. Согласно Лазумовой, 2010: 119 приблизительно 70% армянского населения имеет коммуникативные навыки на русском языке. Как утверждается в Григоряне и Даниеляне, 2010: 278, реальный билингвизм ограничивается в пределах городов. По данным наших собственных наблюдений и сравнений, степень активного владения русским языком в Армении ниже, чем, н/р, на Украине [ср. также Bilaniuk, Melnyk, 2008: 72–73].

составляют, так называемые, западные армяне, которые недавно переехали в Республику Армения из Ближнего Востока или из других нерусскоязычных стран. Как правило, они тоже, как минимум, билингвы, но владеющие другими комбинациями языков: как н/р, западно-армянским и английским, французским, арабским. Следовательно, они не говорят по-русски.⁴ С другой стороны этнические армяне из Азербайджана, которые переехали в Армению во время нагорно-карабахской войны, говорят в основном на русском, а армянским языком почти (иногда даже – вовсе) не владеют [Weitenberg 2006: 1900]. Кроме того, Армения характеризуется сильным национальным самосознанием, в сохранении которого армянский язык играет главную роль. Эта сложная ситуация затрудняет определить общее отношение к русскому языку в сегодняшней Республике Армения. Следовательно, возникает вопрос: *какую роль играет русский язык в создании идентичности и какие факторы управляют языковым выбором между двумя языками (армянским и русским)?* На сегодня не существует исследований по данному вопросу. Из-за вышеупомянутой тесной связи Армении с Россией (см. § 1, [с]), ситуация в республике по всей вероятности отличается от тех, которые хорошо изучены в этом аспекте (н/р, Грузии или стран Прибалтики, см. § 3). Из всевозможных вопросов, касающихся языковому выбору и отношению к языкам, мы выбрали следующие ключевые вопросы, на которые должны ответить наши информанты, интерпретируя данные из нашей социолингвистической анкеты (§ 4–6):

1. Воспринимают ли армяне русский как официальный второй язык Республики Армения, или исключительно как язык Российской Федерации?
2. Какая из идентичностей имеет место при выборе армянского или русского языка?
3. Существует ли тенденция поддержания или дальнейшего развития русско-армянского билингвизма в Армении?

⁴ *Восточно- и западно-армянский проявляют различия на всех грамматических уровнях, а лексические различия столь важны, что вполне оправдывается существование специального словаря в 380 страниц [Сакапетоян, 2011]. В нашей работе не будут обсуждаться эти различия, так как данное исследование касается лишь восточно-армянского языка.*

3. Состояние исследования

Нам не известны современные исследования проблем языкового выбора и отношений к языку в Республике Армения. Языковая ситуация в Армении (языковые и этнические группы, билингвизм и т.д.) коротко излагается в общих описаниях армянского языка, как н/р, Weitenberg, 2006, Schulze, 2002, а относительно ситуации в советские времена – в Comrie 1981: 179–183. В своих многочисленных статьях Харман [Haarmann 2004 а, б, 2005] рассматривает отношения между русским языком и национальными языками в бывших советских, ныне независимых, республиках и в (бывших) восточноевропейских государствах, включая Финляндию, но Армения только кратко рассматривается в периферии. Сборник статей под редакцией Павленко [Pavlenko 2008] всесторонне описывает ситуацию билингвизма в бывшем Советском Союзе (включая специфическое для страны число говорящих на русском и их национальных языках и их компетентности).

Однако Павленко тоже лишь кратко описывает ситуацию в Армении во вступительной части работы [Pavlenko 2008: 18–22], тем самым не посвящая отдельной главы этой стране. Возможно, причиной тому служит степень национальной и языковой однородности в Армении, которая необычно высока для страны Ближнего Востока и прежнего Советского Союза. Как утверждает Павленко [Pavlenko 2008: 10], 97.7% населения – этнические армяне, а остальная часть – этнические меньшинства, играющие небольшую (даже нулевую) роль. Следовательно, русский язык не необходим для межэтнической коммуникации в Армении. Ситуация здесь весьма отличается от ситуации в соседней Грузии, где многочисленные и густо поселенные меньшинства (включая армян в области Самцхе-Джавахети на границе с Турцией и Арменией) так плохо владеют грузинским языком, что административную коммуникацию зачастую приходится вести на русском языке [Pavlenko 2008: 20,21]. Перотто [Perotto 2003, 2006, 2008, 2014], также исследуя отношения между русским и национальными языками в России и других постсоветских государствах, особое внимание уделяет Грузии. В указанной работе Перотто [2014], ситуация в Армении иллюстрируется в противопоставлении с Грузией и Азербайджаном. В грузинской системе образования русский язык был заменен английским языком в качестве основного второго языка. В Азербайджане же, молодое поколение становится менее знакомым с русским языком также вследствие того, что

азербайджанский язык официально перешел от Кириллицы к Латинице [Perotto 2014: 169]. В Армении же русский язык официально остается «вторым языком» (а не «иностранным»), перед английским и другими иностранными языками, а интерес к армяно-русскому билингвизму «реален» [Perotto 2014: 168]. Подобную позицию занимает Хруслов [2006: 143–145], который, во-первых, указывает, что армянская языковая политика с 2001г. признала русский язык сверхнациональным средством коммуникации (особенно в общении с Россией, как с деловым партнером, так и главной страной трудовой миграции армян). Эти факторы были решающими в распределении статуса русского языка в системе образования Армении. Во-вторых, Хруслов на первый план выдвигает роль армянской диаспоры в России, которая занимается пропагандой русского языка в Армении (с помощью усиления его преподавания в школах республики) [Хруслов 2006: 144]. [Лазумова 2010: 119–121] указывает на деятельность российских учебных заведений на территории Республики Армения с целью распространения русского языка, как н/р, Института Пушкина, филиалов российских университетов в Армении, и особенно Российско-Армянского (Славянского) университета в Ереване. Вероятно, самым полноценным исследованием положения русского языка в Армении является работа Григоряна и Даниеляна [2010], в которой детально и последовательно реконструируется языковая политика Армении после независимости. Первая стадия знаменуется попыткой установить армянский как единственный язык Республики Армения. Статья №1 Закона о Языке с 17 апреля 1993г. гласит: «Государственный язык Республики Армения – армянский, который обслуживает все сферы жизни республики. Официальный язык Республики Армения – литературный армянский язык» [Григорян, Даниелян 2010: 283]. В этом причина того, что остающиеся всего несколько чисто русскоязычных школ посещают исключительно дети из семей неармянской национальности [Григорян, Даниелян 2010: 291]. Однако попытка подавить русский язык в общественной жизни, оказалось невыполнимой по практическим причинам. Например, дублирование или введение субтитров всех телевизионных программ на армянском языке, требуемое законом о Телерадиовещании с 20 Ноябрь 2000г., было невозможно по финансовым причинам [Григорян, Даниелян 2010: 296]. Поэтому, русский язык укрепляется в языковой палитре Армении из-за своей важности в многочисленных функциональных сферах (таблица Григорян,

Даниелян, 2010: 302 наглядно показывает распределение двух языков по функциональным сферам).

4. Материал и методология исследования

Мы проводили наш главный опрос в мае 2013г. в форме интервью, на котором студенты Государственного политехнического университета Армении отвечали, главным образом, на вопросы закрытого типа. Интервью проводился на армянском языке. Анкетный опрос мы составили на основе ряда предварительных исследований в Ереванском государственном лингвистическом университете: начиная с открытых разговоров на стандартных интервью с вопросами открытого типа, мы достигли анкетного опроса с 28-ю (частично подразделенными) вопросами закрытого типа с альтернативами ответа на номинальных и порядковых шкалах. Это позволило сделать количественные и, в некоторых случаях, статистические анализы. Вопросы, относительно характеристик информантов (социальных данных, родного языка информантов и их родителей, языка семьи, самооценки языковых навыков на русском и английском языках и т.д.), были дополнены вопросами, касающиеся отношения к языку (нравиться ли говорить по-русски, отношения между Арменией и Россией), убеждениям и верованиям, (стереотипные говорящие на русском языке, оценке важности русского языка для карьеры и личной жизни, важности русского языка по сравнению с английским) и их поведения (активно или пассивно используют русский язык, включая передачу этого языка своим детям) [Schnell и др. 2011: 319–333]. Анкетный опрос предусматривал также ответный вариант «не знаю» [Schnell и др. 2011: 330] с целью не принуждать информантам выбирать какой-либо ответ, к которому они не склонны.

Информанты: Все опрошенные были исключительно студентами факультета компьютерных систем и информатики Государственного политехнического университета Армении (кол. = 779). Из пронумерованного списка (1–779) студентов мы сделали случайную выборку 40 студентов с помощью скрипта Linux shell (функция \$RANDOM). Из 40 привлеченных студентов, 37 были доступны изучению. Средний возраст составлял 20 лет, из которых 10 девушек и 27 парней. Мы предпочли студентов из государственного политехнического университета студентам нашего лингвистического университета по

следующим причинам: а) в лингвистическом университете студенты – почти все женского пола, б) они имеют, как об этом свидетельствует их выбор языков в качестве специальности, особый интерес к языкам в целом и, возможно, к русскому – в особенности, а такой интерес противоречил бы цели наших исследований, и в) студенты государственного политехнического университета, согласно нашему мнению, лучше отражают сегодняшнюю, типичную, образованную, городскую, современную и ориентированную на успех молодежь Армении, о которой мы хотим сделать наши выводы.⁵

Методы: в зависимости от типа вопроса мы вычислили среднее арифметическое⁶ и/или визуализировали распределение альтернатив ответов в форме гистограмм. Для некоторых явлений были исследованы также статистические соотношения: в этих случаях мы интерпретировали номинальные шкалы как порядковые.⁷ В общем, мы интерпретировали результаты с точки зрения их содержания и применили их к ключевым вопросам, определенным в § 2.

5. Результаты

В этом параграфе мы представим результаты анализа анкетного опроса. Обсуждение и применение результатов ответов на ключевые вопросы § 2 представлены в § 6.

⁵ За разрешение проводить исследование, также за помощь в подготовке мы выражаем свою благодарность ректору государственного политехнического университета, профессору Ара Аветисяну.

⁶ Следует отметить, что вычисление среднего-арифметического значения порядковой шкалы – не самый точный статистический метод. Однако, учитывая, что вопрос о том, существует ли в общественных науках шкала интервала, необходимая для вычисления среднего арифметического, весьма спорный, мы принимаем широко распространенную практику, рискуя ошибиться, основывая свою позицию тем, что неточности можно отстранить за счет простоты переменных. [ср. по этому вопросу Schnell и др., 2011: 137–141].

⁷ Этот метод, строго говоря, также не допустимый. Но с нашей точки зрения результаты, благодаря снова простоте переменной, все таки действительны. Для статических вычисления нам бы хотелось поблагодарить профессора Алфреда Ламели (научно-исследовательский центр «Deutscher Sprachatlas», Марбургский университет имени Филиппа).

Первая группа переменных касается родному языку (информанта [см. Рис. 1], его отца и матери). В ходе опроса выяснилось, что почти все информанты воспринимают восточно-армянский как родной язык. «Родной язык» – спорное понятие. Он обычно характеризуется тем, что это – первый язык (с точки зрения принципа овладения языком), и что у говорящего есть более высокие языковые навыки на нем, чем на других языках; кроме того, говорящие имеют эмоциональную связь со своим «родным языком» [Dietrich 2004]. Рассматривая дополнительные комментарии информантов, мы сделали вывод, что указание и русского, и армянского языков как родных, базируется на том факте, что они посещали русскую (т.е., абсолютно русскоязычную) школу в Армении. Лишь один информант, который выбрал русский (а не армянский) как единственный родной язык, жил в России на протяжении десяти лет. Учитывая тот факт, что информанты – исключительно носители армянского языка, удивительным кажется то, что 19% информантов указывают на русский как на семейный язык. Рисунок 1 противопоставляет числа родного и семейного языков. Два информанта выбрали русский язык даже в качестве единственного семейного языка, хотя никто (ни сами информанты, ни их отцы и матери) не являются носителями русского языка. Из комментариев и информации относительно школьного образования (русская или армянская школа), мы приходим к заключению, что статус русского языка, как семейного, зависит от типа обучения и соотносится с русским образованием, по крайней мере, родителей, а иногда и самого информанта. Исключение составляет единственный случай, когда оба родителя были указаны как коренные носители русского языка. Выбор русского языка как семейного делается сознательно, в зависимости от типа образования. (Соотношение русского языка с высшим образованием становится очевидным ниже).

Языковые навыки (Рис. 2). Все опрошенные выучили русский язык в школе, как минимум, за два или три часа в неделю (такой результат подтверждает достоверность данных Павленко [Pavlenko 2008: 18]). Кроме того, университетские учебные планы всех информантов включали два семестра русского языка. Это означает, что информанты предписывают себе «отличные» или «хорошие» языковые навыки, выбирая число 3 на шкале компетентности с 0 «нулевые знания» до 4 «носитель языка». Следовательно, ответ «ноль» не выбирается вообще: все информанты в какой-то мере владеют русским языком. Совершенно

иначе состоит дело с английским языком. Среднее значение компетентности расценивается числом 2.35, что значительно уступает компетентности в русском языке (2.89). Один из информантов даже утверждал, что совершенно не знает английский. Результаты вполне оправдали наши ожидания: русский язык остается вторым обязательным языком в образовательной системе Армении (в отличие от Грузии, см. § 3), а литература для обучения Информатики доступна если не на армянском, то на русском языке.

Другое объяснение сильному положению русского языка в Армении – это контакты с Россией и с другими постсоветскими странами, которые, по крайней мере, частично русскоязычны. Почти все информанты указывают на наличие родственников или друзей в России и, как минимум, одна треть информантов жила в России от нескольких месяцев до нескольких лет. От ответов на вопрос, относительно контактов с иностранными странами, мы приходим к заключению, что отношения не ограничены русскоязычными странами. Почти 80% информантов (28 человек) указывают на контакты с другими странами, особенно с США (12) и Германией (7) (только два – с Францией). Тем не менее, отношения с русскоязычными странами, безусловно, остается самой тесной (по данному вопросу см. также в § 1, [в]).

Отношения. Первая переменная выражает степень удовольствия, которую получают информанты, говоря на русском языке. Рис. 3 показывает, что информантам нравится говорить по-русски (среднее значение 2.84 по шкале интенсивности от 0 «нисколько не нравится» до 4 «очень нравится»). Из ответов стало ясно, что русский язык особенно нравится женщинам – шестеро из десяти информантов женского пола выбрали максимальное значение «очень нравится». Сравнение с переменной языковых навыков (Рис. 2) показывает значительное соотношение между степенью владения русским языком и удовольствием говорить по-русски: чем выше навыки, тем больше нравится информантам говорить на русском языке ($p < 0.05$, $N = 37$, двусторонне; $KCS^8 = 0.411$). Остальные две переменные в этой группе касаются политическим (социальным) отношениям. 73% информантов согласны за утверждение «Россия – старший брат Армении», что служит

⁸ Коэффициент соотношения совокупности.

доказательством тесной связи и положительной оценки этих отношений (как уже было отмечено в § 1, [в], см. выше). Следовательно, спорные оценки присутствия российской армии в Армении, отраженные на Рис. 4 на первый взгляд кажутся непонятными. Во-первых, удивляет тот факт (на фоне хорошей и тесной связи с Россией), что недовольство присутствием армии («нежелательно» и «очень нежелательно») 15-ю информантами лишь незначительно ниже одобрения («желательно» или «очень желательно») со стороны 20 информантов. Во-вторых, что еще более интересно, Рис. 4 показывает бимодальное распределение, в котором фактически не отобрано среднее значение (2 «все равно»). Это означает, что присутствие Российской армии в Армении поляризует информантов: они либо в пользу присутствия, либо против него, но почти никто не равнодушен к этому вопросу. Этот факт играет главную роль в ответе на ключевой вопрос 1 в § 6.

Вопрос убеждений. Что касается переменной «*Кто говорит по-русски?*», то мы получили следующие возможные стереотипы говорящих на русском языке на наших предварительных исследованиях: «пожилые», «молодые», «распутницы», «образованные», «нищие», «богатые». Четкое соотношение существует между стереотипами «пожилые» (положительный ответ 90% информантами) и «образованные» (95%, ни одного отрицательного ответа, за исключением 2 «не знаю»). Для других предложенных стереотипов мы не получили четких результатов. Однако, в дополнение к нашим предложениям, много информантов определили «учителей» и «врачей» как типичных говорящих на русском языке в Армении. Вторая переменная касается оценки конкретного значения русского языка в жизни. Все опрошенные (100%) считают русский язык «важным/полезным», но есть небольшие различия относительно функциональных сфер: в то время как 97% информантов (36 из 37) рассматривают русский «важным/полезным» для «учебы/науки» и 95% для «работы», только 78% информантов разделяют эту оценку для «досуга». Однако различие между сферами небольшое. Рис. 5 отражает оценку важности русского языка по сравнению с английским языком. Большинство информантов (54%) полагают, что оба языка одинаково важны, только три из них полагают, что русский язык важнее. Более близкий взгляд показывает еще два результата. Во-первых, если переменная заменяет порядковую шкалу («английский более важен» -1, «оба языка одинаково важны» 0, «русский более важен» 1), тогда есть

значительное (отрицательное) соотношение с переменной, выражающей английские языковые навыки (см. Рис. 2), а именно: чем выше компетентность на английском языке, тем более английский оценивается важнее русского ($p < 0.05$, $N = 37$, двусторонне; $KKS = 0.412$). Во-вторых, женщины полагают, что английский язык более важен, чем русский. Половина информантов женского пола считает оба языка одинаково важными, другая половина выступает в пользу английского. Ни одна женщина не считает русский важнее английского (см. Рис. 5).

Последняя группа переменных – самооценка языкового поведения. У ответов на вопрос «*Как часто Вы говорите на русском языке?*» – среднее значение 2.43, т.е., между 0 «иногда» и 4 «часто». Среди ответов нет ни одного «никогда не говорю», а пятеро информантов ответили «всегда говорю» на русском языке. В переменной, относительно вопроса «*С кем Вы говорите по-русски?*», типичными собеседниками почти для всех информантов (95%) оказались «русские». Но мы получили значительную долю положительных ответов также для других контактных группах, как н/р, «иностранцы не из России» 35%, «друзья» 46%, «университет» 22%, «члены семьи» 35%. Кроме того, обширное множество опрошенных пользуется российскими средствами массовой информации: 92% информантов заявили, что регулярно смотрят российское телевидение (которое доступно везде в Армении), или слушают российское радиовещание.

Последняя переменная – вопрос о передаче русского языка (будущим) детям информантов. Рис. 6 показывает, что у опрошенных нет общей позиции в этом аспекте. Количество ответов «не знаю» выше, чем в любом другом вопросе. Однако сравнение с другими переменными показывает соотношение с их знанием русского (степень владения русским языком выше у тех информантов, кто ответил положительно на вопрос «*Вы будете говорить со своими детьми по-русски?*»), особенно в тех случаях, когда русский является «семейным языком» (см. Рис. 1). Все информанты, указавшие и на русский и на армянский в качестве семейного языка, выразили желание передать русский язык своим детям. (Два информанта, указавшие только на русский как на семейный язык, ответили «не знаю» и «да».) С другой стороны контакт с Россией, кажется, здесь не играет существенную роль: у информантов с ответами «да» и «нет» в России имеются родственники или друзья в одинаковой степени.

6. Обсуждение

Единичные результаты, представленные в § 5, в последующем будут обсуждаться в связи с ключевыми вопросами § 2.

1. *Воспринимают ли армяне русский язык как законный второй язык Республики Армения или исключительно как язык Российской Федерации?* Данный вопрос пытаются разъяснить, используют ли армяне русский язык, чтобы построить свою собственную армянскую идентичность, или использование русского языка заменяет иностранную идентичность, связанную с Россией (в смысле «российский», а не «русский»). Наши данные предполагают, что русский язык не принимается как собственный язык Армении, т.е., он используется, чтобы построить идентичности, которые не являются собственно «армянскими». Результаты нашего исследования обеспечивают следующие аргументы в пользу данного положения:

а) В Армении фактически нет носителей русского языка (Рис. 1). Результаты опросов наших информантов можно обобщить для всей численности армянского населения (Perotto, 2003: 29, подсчитывает 1.6% этнических русских в Армении, а Pavlenko, 2008: 10 – всего 0.5% за 1999–2004гг.). Такая ситуация весьма отличается, н/р, от Украины, где по данным за 1999–2004гг. 29.6% населения являлось носителем русского языка [Pavlenko 2008: 10], и как сообщалось в 1989г. целых 71.7% украинского населения отлично говорили по-русски [Pavlenko 2008: 15], хотя там официально была введена политика одноязычия с учетом украинского до принятия в 2012г. Закона о Языке, который, в принципе, дает официальный статус языку любого национального меньшинства, если тот отвечает определенным требованиям, но этот закон в реальности нацелен на распространение русского языка в Украине.

б) Ответы на вопросы, касающиеся отношениям, выявили положительные отношения к русскому языку и к России (см. Рис. 3), но в то же время сообщество поляризовано в вопросе присутствия российской армии на территории Армении (см. Рис. 4). По нашему мнению, эта поляризация показывает ясное сознание различия между «собственным», «армянским» и «иностраным», даже если иностранные аспекты оценены положительно. Мы хотим соотнести эти социально-политические оценки лингвистическому уровню и заключить, что символическая функция выражения армянской идентичности может быть выполнена только армянским языком [Perotto 2008],

в) Сам факт, что английский язык в основном считается важнее русского (см. Рис. 5), показывает, что эти два языка соперничают для статуса «lingua franca» в международном общении. Если бы русский воспринимался как выражение армянской идентичности, он не оценивался бы ниже английского, несмотря на маловажность последнего, как языка «lingua franca».⁹

2. *Какие идентичности формируются посредством выбора русского языка в Армении?* В республике с выбором русского языка так или иначе формируются «иностранные», «связанные с Россией» (русские), идентичности. Армяне сознательно принимают эти идентичности в определенных ситуациях. Вандермеерен [Vandermeeren 2005: 1319] отмечает, что «speakers can be subjectively committed to an ethnolinguistic group membership which is – objectively speaking – not theirs. Group consciousness moves between the two poles of group membership: objective group membership (e.g. by birth) and subjective group membership (by choice)» («говорящие могут быть частью какой-то этнолингвистической группы, которая, объективно говоря, не является их собственной. Сознание группы перемещается между двумя полюсами групповой принадлежности – объективной (например, с роду) и субъективной (по выбору)»). Ответы на вопрос «*Кто говорит по-русски?*» показывают ряд стереотипов для этой иностранной идентичности. В итоге русский язык связан с определенными профессиональными группами и, как правило, с высоким уровнем образования. Согласно Джозефу [Joseph 2010: 17, вслед за Silverstein 2003] определенные формы речи связаны, во-первых, с местом происхождения (с роду или по выбору) говорящего, во-вторых, с уровнем образования («'second order' indices of ideologically loaded information, such as the eliteness of a speaker's education» «второстепенные индексы с идеологически направленной информацией такой, как элитарность образования говорящего»). Джозеф имел в виду региональные вариации (английского) языка. Однако мы думаем, что

⁹ Аронин и Синглетон описывают «иерархию языков» в которой русский язык (рядом с, н/р, немецким языком) занимает положение одного из 12 международных «суперцентральных языков», тогда как английский язык является единственным «гиперцентральным языком» (Aronin, Singleton, 2012: 137-138).

понятие также вполне приемлемо и для положения русского языка в Армении. Определение информантами таких специальностей, как «учитель» и «доктор», как типичные говорящие на русском в Армении, формируют прототипичные русские идентичности. Большинство членов таких профессиональных групп принадлежит к, так называемой, образованной элите, получившей образование в советские времена в России. Даже сегодня в обучении этих профессий в Армении главным образом используется русская литература. Врачи в своей профессиональной коммуникации продолжают предпочитать русский язык армянскому. Результаты с переменной, относительно конкретного значения русского языка в жизни, показывают, что информанты русский язык считают немного менее важным для досуга по сравнению с обучением/наукой и работой, однако русский все еще сохраняет заметную важность в сфере досуга, как по данным информантов, так и по нашим наблюдениям за языковым выбором в социальных сетях таких, как Facebook. Ассоциирование русского языка с высоким уровнем образования, а национального языка – с простотой и чисто национальной символикой типично для многих постсоветских республик. В Украине национальный язык широко воспринимается как «провинциальный» и «деревенский». Тем не менее украинский язык – символ национального самосознания до такой степени, что даже киевские русскоязычные пытаются улучшить свой украинский, чтобы отделить себя от Москвы, а современная поп-культура все больше и больше создается на национальном языке [Bilaniuk, Melnyk 2008: 86]. В Белоруссии использование национального языка почти ограничено этой символической функцией, так как белорусский язык теряет свою популярность даже в сельской местности, уступая свои позиции русскому языку [Giger, Sloboda 2008: 46].

3. *Намечается ли тенденция и в дальнейшем поддержать армяно-русский билингвизм в Армении?* Шульце утверждает, что «армянский язык в республике, вопреки всем мерам поощрения относительно воспитании и общественным средствам массовой информации, отстает от русского, а теперь и от усиливающегося английского, как средства общественного и политического обсуждения» [Schulze 2003: 898; наш перевод]. Мы поддерживаемся мнения, что ситуация в данный момент еще не такова. Однако, прежде всего, мы за перспективу, которая не предусматривает языковую ситуацию в Армении в виде сражения языков. Армяно-русский

билингвизм, дополненный английским языком в особых функциональных сферах, скорее важный ресурс Республики Армения на перекрестке Европы, России и Ближнего Востока. Следует отметить, что во многих постсоветских странах положительная оценка дву- и многоязычия, как ценного ресурса, все еще не разделяется определенными национальными элитами, которые рассматривают использование русского языка как угрозу развития национальных языков [Pavlenko 2008: 32–33]. Наши данные отражают два аргумента в пользу того, что армяно-русский билингвизм в Армении может развиваться в положительном направлении [Perotto 2014: 168].

Во-первых, есть широко распространенное положительное отношение к русскому языку, т.к. людям нравится говорить по-русски (см. Рис. 3). Русский язык популярен особенно среди молодых женщин, которые настроены решительно относительно передачи языка внутри семьи. Во-вторых, русский в значительной мере является семейным языком, хотя редко определяется как родной язык (19% информантов указывают на [не только, но и] русский как на семейный язык; Рис. 1). Такие семьи обычно намереваются передать русский язык своим детям (см. Рис. 6). Дело обстоит иначе с английским языком. Следовательно, в текущем состоянии не ожидается, что английский язык в Армении приобретет (очевидным образом значительную и вырастающую) важность глобального «*lingua franca*», несмотря на увеличение значения (в этом аспекте имеет место совершенно иная ситуация в Грузии, см. § 3). Верно, что по сравнению с советскими временами владеющих русским языком становится все меньше [Григорян, Даниелян 2010: 287], что, по нашему мнению, угрожает статусу русского как языка науки (вопреки Григоряна, Даниеляна, 2010: 301, где утверждается, что «русский язык продолжает оставаться языком науки»). С другой стороны, русский может приобрести новую поддержку в контексте потенциального (и с политической точки зрения очень спорного) таможенного союза между Россией и Арменией, договор о котором был подписан осенью 2013 года. [Хруслов 2006: 145] подводит итог: «Применение [русского] языка в качестве эффективного средства межнационального общения и мирового языка не ставится под сомнение».¹⁰

¹⁰ Результаты исследования были также представлены со стороны Рабануса и Барсегяна в 2015 году. [Rabanus, Barseghyan, 2015: 13-32].

Примечание: В контексте продолжающегося конфликта в Украине авторы хотят указать, что признание важности и полноценности русского языка в постсоветских странах не оправдывает незаконные территориальные требования Российской Федерации, как н/р, в случае аннексии Крыма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорян Э. А., Даниелян М. Г. (2010), Состояние общественных функций русского языка в современной Республике Армения. Чельшев (ред.), стр. 275–303.
2. Лазумова М. Н. (2010), О функционировании русского языка в государствах СНГ и Балтии. Чельшев (ред.), стр. 113–144.
3. Мартиросян С. (2003), Русский язык в Армении становится элитарным поневоле. Институт стран СНГ. «Информационно-аналитический бюллетень» 41, стр. 61.
4. Хруслов Г. (2006), Функционирование русского языка в странах СНГ. «Russian Language Journal» 56, стр. 131–166.
5. Чельшев Е. П. (ред.) (2010), Решение национально-языковых вопросов в современном мире. Страны СНГ и Балтии. Москва: Российская академия наук.
6. Конституция, 2003, = Հայաստանի հանրապետության սահմանադրություն: Երևան, 2003, Տիգրան Մեծ:
7. Сакапетоян 2011 = Սաքապետոյեան Ռ., Արևմտահայերեն-արևելահայերեն նոր բառարան: Երևան, 2011, Տիգրան Մեծ:
8. Хачатрян 1991 = Խաչատրյան Հ., Հանրագիտակ օրացույց: Երևան, 1991, Հայկական հանրագիտարանի գլխավոր խմբագրություն:
9. Ammon U., Dittmar N., Mattheier K. J., Trudgill P. (ред.) (2004–2006), Sociolinguistics/Soziolinguistik. Издание второе, пересмотренное и дополненное. 3 тома (HSK 3.1–3.3.) Berlin, New York: De Gruyter.
10. Aronin L., Singleton D. (2012), Multilingualism. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins.
11. Bilaniuk L., Melnyk S. (2008), A Tense and Shifting Balance: Bilingualism and Education in the Ukraine. Pavlenko (ред.), стр. 66–98.

12. Bucholtz M., Hall K. (2010), *Locating Identity in Language*. Llamas, Watt (ред.), стр. 18–28.
13. Comrie B. (1981), *The Languages of the Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Dietrich R. (2004), *Erstsprache – Muttersprache*. Ammon и др. (ред.), том 1, стр. 305–311.
15. Giger M., Sloboda M. (2008), *Language Management and Language Problems in Belarus: Education and Beyond*. Pavlenko (ред.), стр. 41–65.
16. Haarmann H. (2004 а), *Abstandsprache – Ausbausprache*. Ammon и др. (ред.), том 1, стр. 238–250.
17. Haarmann H. (2004 б), *Geschichte der Anwendungen der Soziolinguistik*. Ammon и др. (ред.), том 1, стр. 818–836.
18. Haarmann H. (2005), *Linguistic Barriers between Speech Communities and Language Choice in International Contacts*. Ammon и др. (ред.), том 2, стр. 1521–1535.
19. Joseph J. E. (2010), *Identity*. Llamas, Watt (ред.), стр. 9–17.
20. Llamas C., Watt D. (ред.) (2010), *Language and Identities*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
21. Mackey W. F. (2005), *Bilingualism and Multilingualism*. Ammon и др. (ред.), том 2, стр. 1483–1495.
22. Pavlenko A. (2008), *Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory*. Pavlenko (ред.), стр. 1–40.
23. Pavlenko A. (ed.) (2008), *Multilingualism in Post-Soviet Countries*. Bristol, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters.
24. Perotto M. (2003), *La sociolinguistica in Russia oggi: problematiche e tendenze*. «Slavia» XII/4, стр. 11–43.
25. Perotto M. (2006), *Politica e pianificazione linguistica nelle repubbliche postsovietiche: il caso georgiano*. In: *Soziolinguistica y language planning*. Trento: Regione Autonoma Trentino/Alto Adige, стр. 203–227.
26. Perotto M. (2008), *Il problema dell'identità etnica, civile e linguistica nell'area postsovietica*. Baccolini R., Leech P. (ред.), *Constructing identities. Translations, Cultures, Nations*. Bologna: Bononia University Press, стр. 123–139.

27. Perotto M. (2014), Bilinguismo letterario e politica linguistica nell'area postsovietica: il caso georgiano. Montini C. (ред.), La lingua spaesata. Il multilinguismo oggi. Bologna: Bononia University Press, стр. 163–179.
28. Rabanus S., Barseghyan H. (2015), Language Choice and Identity in Post-Soviet Armenia. In: P. Rosenberg, K. Jungbluth, D. Zinkhahn Rhobodes (ред.), Linguistic Constructions of Ethnic Borders. Frankfurt: Lang, стр. 13-32.
29. Schnell R., Hill P. B., Esser E. (2011), Methoden der empirischen Sozialforschung. München: Oldenbourg.
30. Silverstein M. (2003), Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life. «Language and Communication» 23, стр. 193–229.
31. Schulze W. (2002), Armenisch. Lexikon der Sprachen des europäischen Ostens. Klagenfurt: Wieser, стр. 891–899.
32. Vandermeeren S. (2005). Research on Language Attitudes. Ammon и др. (ред.), том 2, стр. 1318–1332.
33. Weitenberg J. (2006). Armenia. Ammon и др. (ред.), том 3, стр. 1900–1902.

ՀԱՅԿԱՆՈՒԹ ԲԱՐՍԵՂՅԱՆ, ՇՏԵՖԱՆ ՌԱԲԱՆՈՒՍ - ԼԵՁՎԱԿԱՆ ԸՆՏՐՈՂԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆՆ ՈՒ ԻՆՔՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՀԵՏ ԽՈՐՀՐԴԱՅԻՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

Հայաստանը բնութագրվում է ազգային խիստ գիտակցությամբ, որտեղ հայերենը կարևոր դեր է խաղում: Այնուամենայնիվ ուսերենը նույնպես լայնորեն կիրառվում է Հայաստանում, որտեղ լեզվակիրների մեծ մասը ցուցադրում է երկլեզվակրություն՝ արևելյան հայերենի և ուսերենի տարբեր աստիճանի իմացությամբ: Լեզվահասարակագիտական ուսումնասիրության մեջ մենք հետազոտում ենք ուսերենի դերը Հայաստանում և այն գործոնները, որ կառավարում են ընտրությունը հայերենի և ուսերենի միջև՝ պատասխանելով հետևյալ կարևոր հարցերին: 1. Արդյո՞ք հայերը ուսերենն ընկալում են որպես Հայաստանի երկրորդ պաշտոնական լեզու, թե՞ բացառապես որպես Ռուսաստանի լեզու: 2. Ինչպիսի՞ անհատներ են ծնավորվել Հայաստանում նախապատվությունը ուսերենին տալու արդյունքում: [Ռուսաստանի հետ առնչվող անհատներ]: 3. Կա՞ն արդյոք Հայաստանում հայերեն-ուսերեն երկլեզվակրության պահպանման կամ հետագա զարգացման միտումներ: [Այո]:

HAYKANUSH BARSEGHYAN, STEFAN RABANUS - IDENTITY CONSTRUCTION BY LINGUISTIC CHOICE IN POST-SOVIET ARMENIA

Armenia is characterized by a strong national consciousness for which the Armenian language plays a major role. Nevertheless, Russian is also widely used in Armenia, with most speakers exhibiting bilingualism with Eastern Armenian and Russian to different extents. In our sociolinguistic study we investigate the role of Russian in Armenia and the factors that control the language choice between Armenian and Russian, answering the following key questions: 1. Do Armenians perceive Russian as a legitimate second language of Armenia, or exclusively as the language of Russia? [Language of Russia] 2. Which identities are constructed by the choice of Russian in Armenia (staged and perceived identity)? [Russia-related identities] 3. Are there tendencies to maintain or further develop Armenian-Russian bilingualism in Armenia? [Yes]

СХЕМЫ

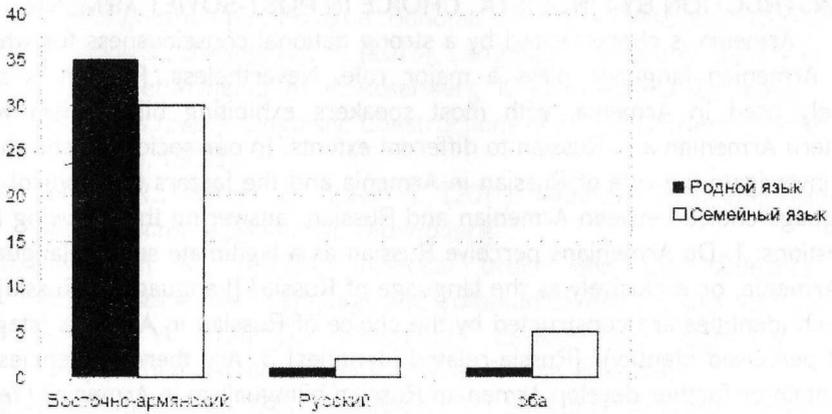

Рис.1: Родной язык и семейный язык информанта.

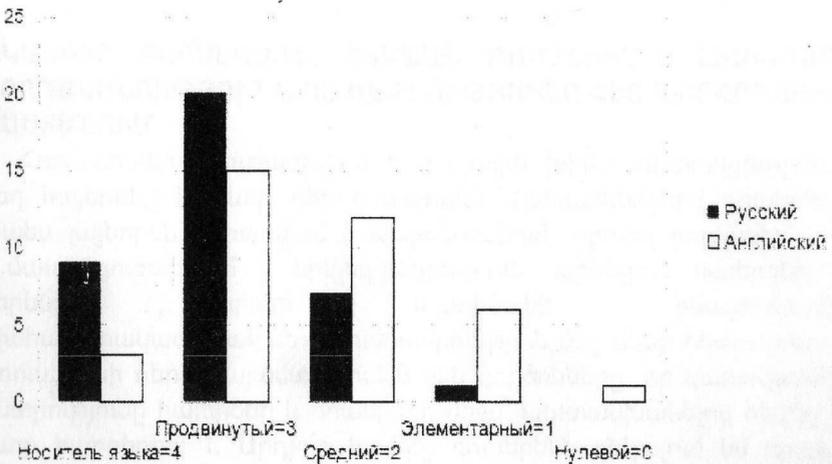

Рис. 2.: Сравнение языковых навыков на русском и английском языках.

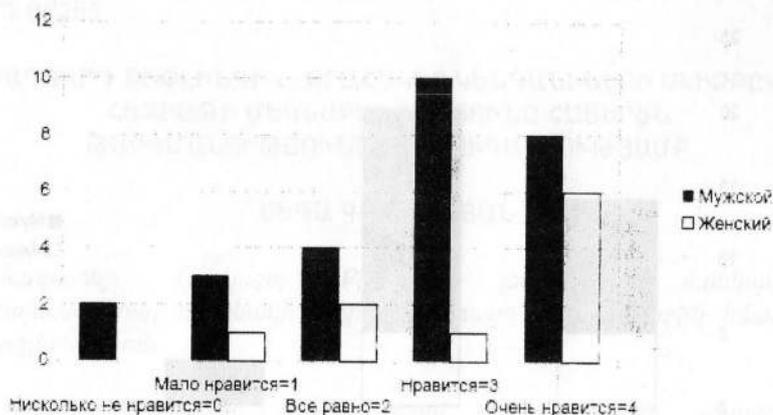

Рис. 3: Ответы на вопрос: «Нравится ли Вам говорить на русском языке?»

Рис. 4: Оценка присутствия российской армии в Армении для безопасности границ.

Рис. 5: Оценка важности русского языка по сравнению с английским.

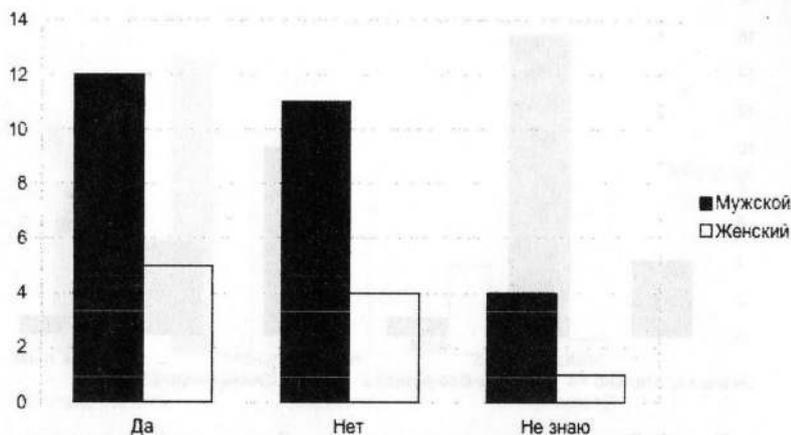

Рис. 6: Ответы на вопрос: «Вы будете говорить со своими детьми по-русски?»

Երևանի Վ. Բրյուսովի անվան պետական լեզվահասարակագիտական համալսարանի «Բանբեր» պարբերականում տպագրության համար հանձնվող հոդվածներին ներկայացվող տեխնիկական պահանջները՝

- Զոդվածները պետք է ներկայացվեն doc ֆորմատով:
- Զոդվածի վերնագիրը և հաջորդ տողում՝ հեղինակի անունը՝ գլխատառերով և թավ:
- Էջի չափերը՝ 16x23.5սմ:
- Էջի լուսանցքները՝ վերև՝ 2սմ, ներքև՝ 2.5սմ, ձախ՝ 2սմ, աջ՝ 2սմ:
- Միջտողային տարածությունը՝ 1:
- Պարբերության սկիզբը՝ 1սմ լուսանցքից աջ:
- Բոլոր նյութերը պետք է հավաքված լինեն հետևյալ տառատեսակներով և տառաչափերով՝
 - o Գայերեն՝ **Unicode**

GHEA Grapalat,	տառաչափը՝ 10
Sylfaen,	տառաչափը՝ 10
 - o Ռուսերեն և լատինատառ

Times New Roman,	տառաչափը՝ 11
GHEA Grapalat,	տառաչափը՝ 10
- Տեքստում չպետք է լինեն կրկնակի բացատներ և տողադարձեր:

Զոդվածը կարող է ներկայացվել հայերեն, ռուսերեն կամ անգլերեն: Այն պետք է ունենա մյուս երկու լեզուներով ամփոփում:

Զոդվածում օգտագործված գրականությունը, մեջբերումները կատարվում են հետևյալ կերպ՝

- Տեքստում կատարելիս նշվում է հեղինակի ազգանունը, տարեթիվը, էջը քառակուսի փակագծերի մեջ առանց ստորակետների՝ [Thomas 1996:26]
- Տողատակում հղումներ կատարելիս նշվում է աղբյուրի հեղինակը, վերնագիրը, հատորը, հրատարակության տեղը, տարեթիվը (մասնովի դեպքում նաև համարը) և էջը:
- Զոդվածի վերջում տրվում է օգտագործված գրականության ցանկը՝ սկզբում նշելով հոդվածի լեզվով օգտագործված գրականությունը: